

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Я буду скакать по холмам,
по тёмной вечерней дороге,
где тени, восстав из лесов,
клубятся в тоске и тревоге.

Гори же, прощальный закат,
не меркни, полоска живая!
Вершины вонзились в тебя,
по капле всю кровь выпивая.

Услышат ли топот копыт
в далёком оставленном стане,
где белая церковь стоит
по горло в вечернем тумане?

И скоро её навсегда
ночная завеса закроет.
Восходит на небо луна
и низко висит над горою.

Скачи же, мой преданный конь,
по родине, как по чужбине!
Исчадия ночи и зла
тебя не сгубили доньине.

Во мраке дорогу торя,
лети над родной стороною!
Дыханье Лесного царя
всё ближе у нас за спиною.

Родимый, давай, поспешай!
Заклятье мне веки сковало.
Держись! В нашей жизни с тобой
ещё не такое бывало.

Вперёд, златогривый, вперёд!
Удача тебя не обманет:
тебе же и солнце взойдёт,
тебе же и утро настанет.

ВОЖДЬ

Виделись очерки дальних сёл
там, где ветер в лицо хлестал,
там, где люпин вдоль дороги цвёл,
там, где чибис с полей взлетал.

День был молод, и тот один.
Как его в себя ни вбирай –
не соберёшь ты с этих равнин
жизнь, расплёсканную через край.

Видишь, как в землю уходит дождь,
попусту тратя свои клинки!
Смотрит нам вслед поселковый вождь
из-под тяжёлой медной руки.

Вождь, ты помнишь, в твоём доме,
крепком, как дружба и как родство –
как мы смеялись тогда всему,
как не боялись мы ничего!

Верили мы, что наше житьё
можно вытащить из руин,
реки расчистить, прогнать жульё,
поле засеять, где цвёл люпин.

Ты ещё жив – и то до поры,
ты ещё зряч – только встать нет сил.
И резерваций твоих костры
глубже уходят в болотный ил.

Станут похлёбку тебе приносить,
с ложки покормят – а ты не жалей:
лучше быть овощем. Лучше забыть
о том, как чибис взлетал с полей.

ОКРАИНА

Вот и окраина возле моста,
где дровяные задворки прогресса.
В воздухе вешнем печаль разлита
прямо до кромки далёкого леса.

Тут и пройдишь в колее стороною,
словно и сам ты на жизни прореха.
Жалобно жёлоб звенит жестяной,
долго висит бесполезное эхо.

Здесь в почерневших дворах ни души,
словно и люди вовек не живали.
И для кого они так хороши,
золотом неба покрытые дали!

Каждый себя отложил на потом
в жизни своей неказистой, короткой,
каждый глушил себя тяжким трудом,
каждый пропитан слезами и водкой.

Что ты, гармоника, кличешь-зовёшь
стопку, накрытую корочкой хлеба?
Брось, гармонист, – ты ещё поживёшь,
зря ты так рано собрался на небо!

Не убивайся, что ты некрасив,
не вспоминай, что тебя истерзали.
И не гляди, не гляди на залив
полными слёз голубыми глазами.

ИСТОРИК

В тиши глухого кабинета
историк чуткий воскресит
начало тьмы и гибель света,
прочтя письмо надгробных плит.

Сидит он за стаканом чая
и смотрит, словно с высоты,
тысячелетья прозревая
сквозь пожелтевшие листья.

С глубинной тайною связаться,
покуда город весь уснул,
и роковых цивилизаций
крушенье чувствовать и гул!

Следить, как полчища народов
бредут с востока на закат,
костров и виселиц природу
определяя невпопад.

Стыдом, слезами ли облиться?
Но то ошибки не твои.
Ты крупным планом видишь лица
детей и гибнущей семьи.

Придёт к тебе покой, историк,
когда погашен лампы свет.
Твой сон не тягостен, не горек,
он полон радостью побед.

Но если и другое око
следит за нами с высоты –
оно не мило, не жестоко:
лишь объективно, как и ты.

ДОЖДЬ

Ближе движется эта завеса
и крадёт горизонты, крадёт.
Вот не видно окольного леса,
вот и тополь сейчас пропадёт.

Как обманчиво всё постоянство,
как зыбуче дождя вещество!
Занимай же пустое пространство –
по России так много его.

Это будет, наверное, в полдень.
Это там, где мы жить не смогли.
И мучительным гулом наполнен
весь объём от небес до земли.

Это там, где ни дома, ни сада,
где не вспыхнул огонь, не погас,
где растёт дождевая громада,
навсегда заместившая нас.

МАРСЕЛЬЕЗА

Анатолию Гребневу

Былые вехи сердце вспомнит,
заглянет в прошлые века.
И «Марсельезу» хор исполнит
на сцене сельского ДК.

Десяток хрупких изваяний
поют, сомкнувшись в полукруг.
Самозабвенно на баяне
ведёт мелодию худрук.

Он рад приветливой погоде
и скажет, робкая душа:
«Я знаю, что слова не в моде,
но больно песня хороша!

Что ни пошлют – всё принимает
неприхотливый наш народ.
Лишь одного не понимает:
назад идём – или вперёд?

Что ж раньше! Раньше, безусловно,
порядка больше было тут.
А этот хор у нас церковный,
они и в храме все поют».

И вот церковная ограда,
сплетенье чистых голосов.
Душа не помнит – и не надо –
противоречья разных слов.

И в купол улетает пенье,
и те, что пели о борьбе,
поют всё так же о терпенье
и о покорности судьбе.

И звук, рождённый в этом хоре,
лучом вернётся по стене
к иконе, где святой Егорий
всё скачет, скачет на коне...

РОДНЯ

Не город детства моего,
а лишь его родня.
И без претензий на родство
мы жили здесь три дня.

Стоял короткий летний срок,
базар тонул в пыли.
Мы город вдоль и поперёк
три раза обошли.

А он зарылся от жары
в кленовый свой убор,
попятился он свои дворы
за дровяной забор,

тонул в садах, в реке сидел,
ленился и скучал,
на посторонних не глядел
и нас не замечал.

И было сладко оттого
глазеть по сторонам,
что не должны мы ничего,
и он не должен нам.

Не город детства – но зато
двойник с его лицом.
Меня не держит здесь никто,
не ждёт перед крыльцом.

Пусть не причалю, уплыву
вперёд, как Одиссей, –
но здесь увижу наяву
прообраз жизни всей:

я думала – она моя,
я думала – родня,
но равнодушие бытия
царит вокруг меня.

Здесь незабудки между рам
наивные – хоть плачь,
на пустыре по вечерам
летает гулкий мяч.

И в тишине за час до сна
щемящий звук такой –
как бы натянута струна
в покосах за рекой.

ОКЕАН

Вот убежать и остаться бы тут,
видеть ночами в морозном окне:
тёмные ели по небу метут,
сопротивляясь метельной волне.

Весь деревянный посёлок уснул,
вжался в сугробы, ушёл в темноту,
чтобы холодный, безжизненный гул
из пустоты пролетал в пустоту.

Может быть, весь поднебесный поток
грозы движеньем охвачен давно.
Может, и мир человеческий лёг
на океанское темное дно.

Что ж, человек! Ты покоя просил,
чистого неба искал ты в судьбе,
но от вселенских мятущихся сил
некуда нынче укрыться тебе.

Катятся волны одна за одной,
волны качают, зовут к забвению.
И поглотил океан ледяной
неуязвимую лодку твою.

* * *

Город ночной – постоянный двор
для всех, кто спит за стенами зданий.
Строго на окнах несут дозор
чуткие фикусы и герани.

Возле дороги и там, и тут,
как на собранье, сойдясь в аллею,
клёны из воздуха влагу пьют,
искры цветов призывно белеют.

Новых просторов себе ища,
высятся травы в дремоте улиц.
Из темноты побегу плюща
целый забор обнять протянулись.

Здесь, не боясь ни шин, ни людей,
словно прообраз ожившего слитка,
переползает бетон площадей,
движется к цели своей улитка.

Смотришь и смотришь с обрыва вниз,
вглубь, где незримо ручей лопочет.
И, подойдя вплотную, навис
космос бездонной, дышащей ночи.

Вот оно, жизни живое дно,
мир без центра и без окраин,
мир, где отдыха не дано,
мир – единый всему хозяин.

Здесь виноградная зреет гроздь,
здесь в океан сливаются реки,
здесь человечество спит, как гость,
который завтра уйдёт навеки.